

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

ЯДЕРНОЕ СДЕРЖИВАНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ: ДИАЛЕКТИКА “ОРУЖИЯ СУДНОГО ДНЯ”

© 2005 г. А. Арбатов

Ядерное сдерживание и распространение ядерного оружия (ЯО) – это ключевые понятия в сфере международной безопасности на протяжении последних 50 с лишним лет истории мировой политики. Они сохраняют свою важность в настоящее время и на обозримое будущее, хотя и претерпевают глубокую трансформацию под воздействием динамики международных отношений и научно-технического развития.

В принципе, сдерживание – это предотвращение каких-либо действий другой стороны посредством угрозы причинения ей ущерба. Поскольку речь идет о ядерном сдерживании, постольку средством сдерживания выступает угроза применения ядерного оружия. Под ядерным распространением подразумевается получение тем или иным способом доступа к ядерному оружию все новых и новых государств, а в перспективе и негосударственных организаций.

“СООБЩАЮЩИЕСЯ СОСУДЫ” ЯДЕРНОГО СОПЕРНИЧЕСТВА

Ядерное сдерживание и распространение были и остаются тесно взаимосвязаны, переливаясь друг в друга и периодически меняясь местами на переднем плане глобальной политики, словно содержимое сообщающихся сосудов. ЯО считается весьма эффективным орудием обеспечения национальной безопасности и национальных интересов в широком смысле слова. Совершенно естественно, что у неядерных государств, при определенных обстоятельствах, возникает стремление тоже приобщиться к этому виду оружия. Так ядерное сдерживание постоянно и неизменно питает ядерное распространение.

Но есть и обратная связь. Во-первых, ядерное распространение подобно “цепной реакции”, расширяет клуб государств, обладающих ядерным оружием, и, тем самым, вновь и вновь воспроизводит ядерное сдерживание как модель военно-политических отношений между странами. Во-вторых,

даже когда политические отношения тех или иных держав основательно меняются, и они перестают воспринимать друг друга как враги (например, Россия и США после окончания холодной войны), их вооруженные силы, наступательные и оборонительные системы вооружения, обретают новых противников и новые цели, представляемые ядерным распространением. Это может дестабилизировать стратегические отношения бывших противников и спровоцировать рост акцента на ядерное сдерживание в их стратегическом взаимодействии со всеми вытекающими политическими и договорно-правовыми последствиями.

Например, решение США от 2002 г. о переходе к строительству системы стратегической противоракетной обороны (ПРО) – по официальному обоснованию, для защиты от новых стран – обладательниц ракетно-ядерных вооружений – и отказ Вашингтона от Договора по ПРО от 1972 г. побудили Россию к усилению опоры на свой потенциал ядерного сдерживания. Москва продлила сроки службы межконтинентальных баллистических ракет (МБР) с разделяющимися головными частями (РГЧ) и даже закупила несколько десятков таких ракет из запаса Украины, а также на высшем уровне заявила о разработке новой системы стратегического оружия с планирующим и маневрирующим боевым блоком для прорыва “любой ПРО” – все это, по понятным причинам, в реальности направлено против США, хотя конкретный противник и не был назван, согласно “правилам хорошего тона” после холодной войны.

Такова диалектическая взаимосвязь этих двух важнейших сторон влияния ядерного оружия на мировую политику. Поэтому иногда всю эволюцию ядерного фактора характеризуют как ядерное распространение: “вертикальное” распространение между ведущими ядерными державами в смысле наращивания их ядерных потенциалов и “горизонтальное” распространение в виде расширения числа государств, имеющих ЯО в вооруженных силах.

“Вертикальное распространение” в своем пике к концу 80-х годов XX в. достигло уровня примерно по 10–12 тыс. боезарядов только в стратегических ядерных силах (СЯС) СССР и США, а вместе с тактическим ядерным оружием (ТЯО) до 25–40 тыс. ед. у каждой из двух держав. А “го-

АРБАТОВ Алексей Георгиевич, доктор исторических наук, директор Центра международной безопасности ИМЭМО РАН, член-корреспондент РАН.

В основе статьи – доклад автора, прозвучавший на конференции, посвященной проблемам ядерного сдерживания, в Московском Центре Карнеги.

горизонтальное распространение” охватило за прошедшие полвека девять государств (США, СССР, Великобритания, Франция, КНР, Израиль, ЮАР, Индия, Пакистан). Еще четыре страны стали ядерными в итоге распада СССР (Россия, Украина, Белоруссия, Казахстан), но потом три из них передали ЯО России. Дополнительно известно о пяти странах, которые за тот же период пытались создать ядерное оружие, но по тем или иным причинам отказались от этого или их заставили это сделать силой (ЮАР, Бразилия, Аргентина, Ливия, Ирак). Два государства считаются “пороговыми”, то есть стоящими на грани приобретения ЯО (КНДР и Иран). А при худшем варианте развития событий еще целый ряд стран может приобщиться к ядерному клубу в последующие 10–20 лет, включая те, что вновь пересмотрели бы выбор в пользу безъядерного статуса (Южная Корея, Тайвань, Япония, Ливия, Сирия, Египет, Саудовская Аравия, Алжир, Турция, Ирак, Бразилия, Аргентина и пр.).

При этом ядерное сдерживание и ядерное распространение – не равнозначные явления по их роли в международной политике. В годы холодной войны, то есть с конца 40-х и до конца 80-х годов прошлого века, ядерное сдерживание стояло в центре мирового внимания. Две сверхдержавы – Советский Союз и Соединенные Штаты поделили большую часть остального мира между собой на сферы влияния и накопили колоссальные потенциалы ядерных вооружений. Все воспринимали самую страшную угрозу миру в виде глобальной ядерной войны между двумя лагерями, вызванную преднамеренным нападением одной из сторон на другую (40–50-е годы) или неуправляемой эскалацией регионального кризиса с вовлечением великих держав (с 60-х до начала 80-х годов).

Ядерное распространение в тот период было на втором плане, потому что почти всю международную политику определяло соперничество двух гигантов, других ядерных держав было немного и все они, кроме КНР, были союзниками или клиентами США. Вместе с тем ядерные силы двух сверхдержав были абсолютно несопоставимы со всем запасом ЯО, который имели другие страны (в совокупности этот запас составлял не более 5% от каждой из двух ведущих держав по числу боезарядов и их суммарной мощности).

ЯДЕРНОЕ РАЗОРУЖЕНИЕ И НЕРАСПРОСТРАНЕНИЕ

После окончания холодной войны ситуация быстро менялась. Ядерное сдерживание, во всяком случае, между Россией и США стало отходить на второй план. В то же время на передний план выходило распространение ядерного оружия, других видов оружия массового уничтожения

(ОМУ), ракет и ракетных технологий. Ядерный фактор мировой политики как бы “переливался” из двустороннего “вертикального” противостояния и сдерживания – в многостороннее “горизонтальное”.

Все новые государства приобщаются к ядерному оружию или стремятся к этому. Их ядерные средства наращиваются и в абсолютном измерении и в относительном плане – по сравнению с силами крупнейших ядерных держав (которые в количественном отношении сократились с начала 90-х годов примерно на 60–70% по СЯС и ТЯО).

Акценты в области разоружения отражали приоритеты озабоченности правительств и мировой общественности в сфере безопасности. В годы холодной войны в центре разоружения стояли ограничение испытаний ЯО, ограничение и сокращение стратегических наступательных и оборонительных вооружений (ОСВ/СНВ), ликвидация ядерных ракет средней дальности, снижение сил и вооружений общего назначения НАТО и ОВД в Европе, параллельное сокращение их тактического ядерного оружия.

Правда, в 1968 г. вступил в силу Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), но вплоть до начала 90-х годов он оставался на периферии взаимодействия великих держав по разоружению. Ядерное распространение воспринималось как “помеха” развитию стратегических взаимоотношений сверхдержав: в контексте их усилий повлиять на ядерный баланс через свои военные программы и в смысле их переговоров об ограничении и сокращении уровней взаимного ядерного сдерживания.

С середины 90-х годов в центре проблематики международной безопасности прочно обосновалось нераспространение ЯО и его ракетных носителей, включая укрепление режима ДНЯО, его институтов (МАГАТЭ), дополнительных органов и механизмов, мер экспортного контроля. Все большее значение стало придаваться стратегии контрраспространения: применению санкций, вплоть до военной силы, против “пороговых” стран.

Примером такой линии (во всяком случае, по официальной аргументации) явилась военная операция США по свержению режима Хусейна в Ираке, давление Вашингтона на Иран и КНДР, а также на Россию и другие страны, сотрудничающие с ними в ядерной энергетике и развитии ракетной техники. Судя по всему, дальнейшее распространение ОМУ и опасность его слияния с международным терроризмом (так называемый феномен супертерроризма или катастрофического терроризма) будет и впредь приоритетной темой в российско-американских отношениях, в сотрудничестве и разногласиях всех ядерных держав, в деятельности ООН и области применения силы в международной политике.

Параллельно отношение к ядерному разоружению в целом глубоко меняется. Раньше нераспространение ЯО рассматривалось лишь в качестве одного из условий центрального ядерного разоружения (наряду с мерами транспарентности, запрещением ядерных испытаний, невыводом оружия в космос, сокращением обычных вооруженных сил и т.д.). Теперь все больше ядерное разоружение предстает как “романтизм” времен холодной войны, когда оно было чем-то вроде предмета веры, и великие державы всеми силами старались доказать свою “правоверность” и “гrehовность” противника перед лицом мировой общечеловечности.

При этом вопреки поверхностной критике в адрес великих держав, дело не в том, что они не выполняют своих обязательств по ст. VI ДНЯО. (Как раз с формальной точки зрения все обстоит вполне благополучно. По числу боеголовок СЯС США и РФ с начала 90-х годов сократили свои силы на 50% (по Договору СНВ-1), а к 2012 г. сократят их в боевом строю еще на 60% (по Договору об СНП). Вкупе со средствами ТЯО сокращение за 20 лет составит, видимо, порядка 80%). Дело совсем в другом: в отличие от прошлых времен США, РФ и другие великие державы фактически отвергли идею ядерного разоружения как неотъемлемое, пусть и не близкое, условие всеобщей безопасности. Они демонтируют весь комплекс соглашений центрального ядерного разоружения, чтобы обеспечить себе максимальную свободу рук в техническом развитии и планах реального боевого применения ЯО, что находит отражение в их официальных военных доктринах, программах вооружения и бюджетах.

Как никогда раньше, ядерное сдерживание выглядит сейчас фактором, который останется навечно в международной политике – во всяком случае до тех пор, пока не придумано еще более разрушительное оружие – причем не просто из-за всех трудностей достижения полного ядерного разоружения, а ввиду предположительно присутствующих ядерному оружию значительных достоинств в качестве средства обеспечения безопасности и “цивилизующего” воздействия на международные отношения, побуждающего к сдержанности в применении силы.

ПАРАДОКСЫ ЯДЕРНОГО СДЕРЖИВАНИЯ

Фактор огромной неоднозначности ядерного сдерживания в современном мире состоит в том, что в отличие от распространенных представлений, лишь в небольшом числе случаев и в ограниченные периоды времени сдерживание трактовалось в узком смысле данного понятия, как стратегия предотвращения ядерной войны. Гораздо чаще сдерживанию придавался и придается расширительный стратегический смысл, который

сплошь и рядом предполагает применение ядерного оружия первыми. Это еще одно имманентное противоречие ядерного сдерживания: оно подразумевает готовность инициировать развязывание ядерной войны. К счастью, за прошедшие полвека этот апокалиптический парадокс оставался уделом теории. Но в будущем распространение ЯО и все более многосторонние ядерные взаимоотношения государств угрожают поставить его в практическую плоскость.

Идея ядерного сдерживания настолько вошла в плоть и кровь военно-политических отношений государств, что повсеместно воспринимается как вполне рациональная и даже безальтернативная. Споры нет, ядерное сдерживание, конечно, менее иррационально, чем доктрина ведения ядерной войны, особенно между ядерными державами. Однако, если судить не с чисто военно-стратегической точки зрения, а с социально-политической, то и сдерживание вызывает большие сомнения в части его рациональности.

Даже наиболее оборонительный (отрицающий первый удар) и стабилизирующий вариант этой стратегии – “минимальное сдерживание” – весьма парадоксален. Ведь, по сути дела, в ответ на ядерный удар противника предполагается ответным ударом уничтожить десятки миллионов мирных жителей другой страны.

Этот акт возмездия, во-первых, иррационален, поскольку бойня населения другого государства не вернет к жизни своих погибших граждан и не восстановит свои разрушенные материальные ценности. Более того, в отличие от стратегических бомбардировок Германии и Японии во Второй мировой войне, ядерный удар никак не повлияет на способность противника продолжать войну, которая всецело будет зависеть от оставшихся у него ядерных средств и функционирования системы управления.

Во-вторых, если в доядерную эпоху нельзя было начать и вести войну без поддержки хотя бы части населения страны-агрессора, то ядерную войну можно развязать без какого-либо согласия народа, просто доведя приказ высшего руководства до дежурных на пунктах управления пуском ракет (а в новейших системах управления даже минуя их – прямо на пусковые установки). Население, будучи главным объектом ответного ядерного удара, не несет никакой прямой ответственности за решение об агрессии высшего государственного руководства. Тем более, это правда в отношении авторитарных и тоталитарных режимов, где население не только не выбирает своих лидеров, но может и не быть в глазах последних такой уж большой ценностью. Подобное отношение к народу демонстрировало, например, руководство КНР, когда в 50-х и 60-х годах проповеде-

вало всеобщую войну как путь “окончательной победы” над империализмом.

В конце 70-х годов, подозревая советских лидеров в таком же подходе к своему населению, президент США Дж. Картер директивой ПД-59 утвердил так называемую “противоценностную” стратегию (*countervailing strategy*). Она предписывала наносить удары по тому, что предположительно советские лидеры “ценили” выше всего – свою собственную жизнь – имея в виду разрушение защищенных подземных бункеров и противоатомных убежищ, других объектов укрытия партийно-государственного руководства¹. Понятно, что эта концепция вызвала в СССР крайне болезненную реакцию, ее назвали “стратегией обезглавливающих ударов” и расценили как новый вопиюще агрессивный шаг американской стратегии разоружающего удара по СССР.

Другие попытки придать ядерному сдерживанию большую рациональность также, как правило, имели обратный эффект. Например, повышение способности СЯС наносить ответные удары по резервным стратегическим силам противника, которые могут быть не задействованы в его первом ударе, неизменно воспринимаются как расширение потенциала не ответного, а разоружающего удара. И не без оснований: пусковые шахты ракет, базы подводных лодок и бомбардировщиков, районы развертывания наземно-мобильных МБР – все это те же самые цели, которые необходимо поразить в первом ударе, чтобы избежать возмездия или снизить ущерб от него. Ответом на подобные стратегические эксперименты, помимо повышения живучести своих СЯС, было, как правило, повышение приоритета концепции и технических систем ответно-встречного удара и планирование более массированного применения средств.

В целом, усилия по увеличению кредитоспособности сдерживания посредством повышения его применяемости (через избирательность нацеливания и поражающего воздействия ЯО, планы использования ограниченного числа боезарядов, многообразие комбинаций ядерных ударов малого масштаба и т.д.) чаще всего воспринимались другой стороной, как рост агрессивности ядерной стратегии, ее ориентации на первый разоружающий удар и стратегию победы в ядерной войне.

Коренной парадокс ядерного сдерживания состоит в том, что потенциал, лучше всего олицетворяющий немыслимость ядерной войны (массированные удары, максимальные разрушительные последствия, быстрота и безоговорочность возмездия) – был бы наихудшим вариантом, если

бы сдерживание когда-то не сработало и ЯО было применено на практике. Но в то же время попытки “встроить” в силы и оперативные планы более “рациональные” варианты использования ЯО на случай, если сдерживание не сработает, неотвратимо понижают “ядерный порог” и ослабляют само сдерживание.

Еще один, может быть главный, фактор парадоксальности сдерживания заключается в том, что ни с одним другим видом оружия – учитывая катастрофические последствия его применения, особенно применения по ошибке – эффективный контроль политического руководства не нужен в столь же большой мере. И вместе с тем реальный политический контроль над его применением обеспечить, если не невозможно, то, несомненно, труднее, чем с любым другим видом оружия.

Полетное время баллистических ракет столь коротко (10–30 мин), что у политического руководства, даже если оно заблаговременно прибыло на командный пункт, не будет времени тщательно оценить ситуацию и принять глубоко и всесторонне обдуманное решение о применении ядерного оружия, от которого будет зависеть выживание человечества на планете. Руководство будет вынуждено или действовать, по сути, в автоматическом режиме, по алгоритму решения, разработанного специалистами задолго до кризиса, в мирной обстановке и без учета всего разнообразия политической реальности – или бездействовать, идя на риск, что ответного удара вовсе не состоится. Это порождает огромную латентную угрозу развязывания ядерной войны по просчету или из-за технической ошибки.

Анализ исторического опыта и текущего состояния дел показывает, что отношения взаимного сдерживания между ядерными державами являются скорее исключением, чем правилом, особенно, если речь идет о стабильном сдерживании, сводящем к минимуму вероятность ядерной войны. Но прежде чем рассмотреть этот вопрос, следует отметить, что помимо всех упомянутых конкретных вариантов сдерживания, последнее может присутствовать в самой общей форме в двух ипостасях.

Первую правильно назвать “имманентным” сдерживанием, то есть политико-психологическим эффектом сдержанности и осторожности, которые ЯО способно внушать самим фактом своего наличия враждующим сторонам (стороне), независимо от технических характеристик и количества такого оружия, его системы управления или от вероятности и эффективности его применения. “Имманентное” сдерживание как бы внутренне присуще ЯО просто в силу некоторой вероятности его использования в случае войны, раз оно имеется у сторон (стороны) конфликта, и ввиду огромных разрушительных последствий да-

¹ См.: Newhouse J. War and Peace in the Nuclear Age. N.Y., 1989. P. 286.

же единичного применения этого оружия. В то же время роль такого уровня сдерживания серьезно зависит от степени конфликтности политических отношений сторон, меры вовлеченности в них третьих держав, региональных военных балансов и пр. При большой остроте кризисов и отсутствии союзнических обязательств со стороны третьих держав данный тип сдерживания может провоцировать развязывание ядерной войны, поскольку сулит большие военные преимущества государству, наносящему первый удар.

В отличие от этого, другая ипостась – “квалифицированное сдерживание”, которое подразумевает достаточную вероятность выполнения ядерными силами тех или иных конкретно поставленных задач при любых обстоятельствах начала войны. Вариантов такого сдерживания немало: от “минимального” до “расширенного” и “предоставленного” во всем многообразии их вариаций между разными странами в различные периоды времени. “Квалифицированное сдерживание”, понятно, гораздо более надежное и предсказуемое средство обеспечения обороноспособности и внешней политики государства-субъекта, при всех оговорках и парадоксах существующих моделей, рассмотренных выше. Этот уровень сдерживания обеспечивает стратегическую стабильность, независимо от напряженности политических отношений и даже кризисов между державами. Он же создает материальную базу для соглашений по ограничению и сокращению ядерных вооружений, которая становится самостоятельным каналом обеспечения взаимной безопасности, транспарентности и доверия между государствами.

Классическим вариантом “квалифицированного сдерживания”, причем взаимного и сводящего к минимуму вероятность ядерной войны и вообще вооруженного конфликта, были стратегические взаимоотношения СССР/России и США с конца 60-х годов прошлого века и на перспективу до 2010 г. Российское сдерживание будет прогнозируемо трансформироваться в “минимальное”, а затем, возможно, “имманентное”, во всяком случае в стратегических отношениях с США – если конечно программа развития СЯС РФ не будет в ближайшее время основательно скорректирована.

Британские и французские ядерные силы, сами по себе, до середины 60-х годов могли осуществлять лишь “имманентное” сдерживание СССР, а с середины 80-х и до середины 90-х годов – “минимальное”. Советские и российские СЯС все это время обладали подавляющей способностью разоружающего удара против европейских государств. Только союз с США и их ядерные гарантии в рамках НАТО позволяли Британии и Франции вольно экспериментировать с ядерными

силами и концепциями, использовать их в престижных целях и как фактор внутрисоюзнических отношений, не опасаясь за свою безопасность. В обозримые 10–15 лет, в ходе свертывания российских СЯС и наращивания потенциала англо-французских средств, последние приобретут полную способность “квалифицированного” сдерживания России, каковую и РФ сохранит против Британии и Франции.

Создав свое ЯО в середине 60-х годов, Китай до начала 70-х имел лишь потенциал “имманентного” сдерживания СССР и никакого – в отношении США. К 90-м годам КНР приобрел способность “минимального” сдерживания СССР/РФ и “имманентного” в адрес США. В зависимости от темпов наращивания и совершенствования китайских СЯС, в ближайшие 10–15 лет Пекин приобретет возможность “квалифицированного” сдерживания в адрес России (наряду с превосходством по силам общего назначения – ООН на Дальнем Востоке) и “минимального” относительно США.

Израиль, получив ЯО в начале 80-х годов, к концу десятилетия обрел способность “квалифицированного” сдерживания против соседних арабских стран, не имевших такого оружия, и “имманентного” сдерживания в отношении СССР.

Индия и Пакистан в ближайшие годы будут иметь классический вариант взаимного “имманентного” сдерживания, крайне нестабильного и опасного в смысле развязывания ядерной войны при остром региональном конфликте. Также Индия будет иметь “имманентное” сдерживание в отношении Китая, который сохранит значительное ядерное преобладание над ней. Пакистан же обретет “имманентное” сдерживание относительно России при безусловном ядерном превосходстве последней.

Если КНДР и Ирану позволят в обозримый период создать свое ЯО, то максимум, который они смогут приобрести – это “имманентное” сдерживание против США, что явится мощнейшим фактором провоцирования силового воздействия с американской стороны, вплоть до упреждающего авиационно-ракетного нападения с высокоточным оружием и даже ядерного удара. Такая вероятность будет тем более велика в условиях разрывания в США системы ПРО территории.

В целом, приходится сделать вывод, что, вопреки распространившимся после окончания холодной войны представлениям о стабилизирующей роли ядерного оружия, отношения взаимного “квалифицированного” сдерживания – весьма редкое явление.

ЧТО ПРЕДОТВРАТИЛО ЯДЕРНУЮ ВОЙНУ?

Еще один сакраментальный вопрос – явилось ли ядерное сдерживание реальным фактором предотвращения всеобщей войны в прежние годы? Если бы, не дай Бог, такая война действительно разразилась – то на этот вопрос был бы дан вполне однозначный отрицательный ответ, который, впрочем, некому было бы получить. К счастью, войны удалось избежать, но потому и ответ может быть сугубо гипотетическим. Вполне возможно, что, учитывая жесткую биполярность и высокую конфликтность международных отношений с конца 40-х до начала 70-х годов (что исторически всегда предшествовало большим войнам), без наличия ядерного оружия у главных противников, при прочих равных, третья мировая война все-таки произошла бы. В этом смысле существование ЯО, возможно, постоянно и закулисно играло роль некоторого “имманентного” сдерживающего фактора, независимо от военнотехнической конкретики менявшегося баланса ядерных средств враждующих сторон.

Вместе с тем нельзя не учитывать, что гонка ядерных вооружений сама по себе стала важнейшим фактором напряженности между противниками и порождала периодические кризисы в их отношениях: например, кризис из-за развертывания американских ракет средней дальности в Европе в 1983 г. Что перевешивало в плане уменьшения или увеличения вероятности войны – навсегда останется предметом гипотетических построений.

В качестве прямого эффекта взаимного сдерживания можно обсуждать лишь ситуации, когда ядерные и обычные вооруженные силы приводились в повышенную боеготовность, а затем державы отступали от опасной черты под влиянием страха перед ядерной катастрофой. Такой классический эпизод имел место лишь однажды – в октябре 1962 г. в дни Карибского кризиса. (Правда, тогда со стороны СССР сдерживание было скорее “имманентным”, он имел всего несколько боеготовых МБР, полностью уязвимых на открытых стартовых площадках, однако США этого не знали наверняка.) Считать этот случай недвусмысленным подтверждением положительной роли ядерного сдерживания мешает лишь одно обстоятельство, а именно: сам кризис был в большей мере порожден динамикой ядерного сдерживания. Москва решила разместить ракеты средней дальности на Кубе, чтобы сократить растущее отставание от американских СЯС и ЯСПБ. А резкое ускорение программ наращивания МБР и БРПЛ США было предпринято в ответ на блеф руководства СССР относительно его способности “делать ракеты как сосиски”.

Получается, и в этой плоскости ядерное сдерживание преподносит очередной парадокс: оно наиболее эффективно сработало для предотвращения войны, риск которой был вызван мерами по становлению самого этого ядерного сдерживания (как бы лечение спасло больного от приступа, вызванного самим лечением).

ЯДЕРНОЕ СДЕРЖИВАНИЕ И ТЕРРОРИЗМ

Международный терроризм, драматически заявивший о себе 11 сентября 2001 г., еще в большей мере ставит под сомнение ядерные доктрины прошлого.

Ядерное сдерживание не может использоваться против организаций международного терроризма, включая и гипотетическую угрозу приобретения такими организациями ядерного оружия или взрывного устройства. У террористов нет территории, промышленности, населения или регулярной армии, которые могли бы быть объектами ударов возмездия. В тех случаях, когда им предоставляет базу какое-то государство, как афганский “Талибан” предоставил “Аль-Каиде”, ядерное сдерживание малоприменимо к данному государству, поскольку едва ли сможет помешать террористам, способным быстро и скрытно перемещаться через границы. Возможно, террористы будут даже заинтересованы в провоцировании ядерного удара по той или иной стране во имя политического продвижения своего дела. (В этом смысле даже неядерная операция США против Ирака в 2003 г. оказалась для международного терроризма весьма выгодной.)

Борьба с катастрофическим терроризмом имеет отношение к сдерживанию только как препятствие (угроза возмездия, в том числе и ядерного) для тех или иных стран на пути поддержки терроризма и предоставления ему баз и иной помощи. Но трудно вообразить, что какое-то государство будет открыто поддерживать террористов с ядерным оружием. А ядерный удар по любой стране, даже государству-“изгою”, с учетом его побочных последствий и политического шока в окружающем мире, является слишком сильным средством, чтобы применять его без полной очевидности наличия “состава преступления”. Весьма показательна и в этом ключе реакция мирового сообщества на плохо обоснованную американскую операцию в Ираке в 2003 г. с использованием только сил общего назначения, причем с минимальными побочными потерями и материальным ущербом. Раскол антитеррористической коалиции в огромной мере воодушевил движение сопротивления и международный терроризм в Ираке, повлек увязание США в болоте бесперспективного оккупационного курса.

Это напрямую относится к нынешней американской концепции разработки “чистых” ядерных мини-боеприпасов, глубоко проникающих под землю для поражения бункеров, складов и других подземных объектов террористов или стран-“изгоев”. Даже не говоря о политических последствиях такого применения ЯО, с тактико-технической точки зрения использование ядерных мини-боеприпасов вызывает большие сомнения. Чтобы избежать радиоактивного заражения местности боеприпас субкилотонной мощности должен уйти вглубь на 150–200 м, что трудно себе представить, например в каменистых породах. К тому же для поражения цели мини-боеприпасом нужно знать ее точное положение. Однако, если таковое известно, то современные высокоточные неядерные боеприпасы и заряды повышенной мощности могут разрушить объект, тем более что есть возможность их многократного применения. Также можно использовать операции войск спецназначения, особенно если акция проводится коалиционными силами и на легальной основе (по мандату ООН).

Неудивительно в этой связи, что в России очень болезненно была воспринята новая американская программа, несмотря на ее весьма скудное финансирование и раннюю стадию развития. Периодически циркулирующие слухи о рассмотрении в Вашингтоне сценариев превентивного “хирургического удара” по российским СЯС, в случае потери контроля над ними из Москвы, были увязаны с программой мини-боезарядов с последующим выводом об их предназначении для разоружения РФ с минимальным сопутствующим ущербом, не дающим повода для ответного удара по США выжившими ракетами.

В основном, борьба с ядерным терроризмом состоит из активных спецопераций, разрушения их материальной и финансовой инфраструктуры, защиты хранилищ ядерных боеприпасов и материалов и более всего – ужесточения режима нераспространения ЯО. Ключевую роль здесь играет сотрудничество великих держав и региональных стран – участников антитеррористических акций, которому использование ядерной угрозы, не говоря уже о применении ЯО оказало бы поистине “медвежью услугу”.

Таким образом, как показывают приведенные выше рассуждения, существо феномена ядерного сдерживания и его роль в международной безопасности в минувшие полвека были крайне неоднозначными и противоречивыми. Возможно, ядерное оружие сыграло роль в качестве фактора предотвращения третьей мировой войны, а может быть – нам всем просто крупно повезло. В данном случае, очень хорошо, что история не знает сослагательного наклонения. Но как пойдет эволюция ядерного сдерживания в обозримом бу-

дущем, после окончания холодной войны, на фоне расширения географии региональных и локальных, внутренних и трансграничных конфликтов, параллельно с распространением ОМУ и средств его доставки – связано с огромной неопределенностью.

ДНЯО: ВРОЖДЕННЫЕ ПОРОКИ

Можно бесконечно спорить о том, что считать началом распространения ЯО, но в международном праве этот казус решен основополагающим во всей этой проблематике международным документом: Договором о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) от 1968 г., который четко разделил все ядерные и потенциально ядерные державы на легитимные, то есть по праву владеющие ЯО, и все остальные, которые не легитимны и не имеют права создать свое оружие этого вида.

В целом, в начале 90-х годов процесс нераспространения ЯО достиг определенных успехов. Около 40 новых стран вступило в ДНЯО, включая Францию и КНР, в 1995 г. Договор получил бессрочное продление. Шесть государств отказались от военных ядерных программ и даже от получения ранее ЯО (ЮАР, Бразилия, Аргентина, Украина, Белоруссия, Казахстан). Но, к сожалению, эти успехи лишь частично были обусловлены эффективностью ДНЯО и политики нераспространения ведущих держав. В гораздо большей мере они объяснялись иными, зачастую чисто внутренними причинами. Процесс распространения ядерного оружия продолжался, а с конца 90-х годов ускорился, продвигаясь скорее по принципу “шаг назад – два шага вперед”, нежели по классической обратной формуле.

Причины этого сложны и многообразны. Они связаны, прежде всего, с перемещением международной конфликтности на региональный уровень, с ослаблением контроля над событиями и степени вовлеченности в региональные дела сверхдержав, которые после окончания холодной войны перестали воспринимать любой локальный кризис как пробу сил в глобальном соперничестве между собой. Способствует этому и расширение круга источников информации, специалистов, технологий и материалов в сфере мирного и военного использования ядерной энергии. В большой мере, процесс распространения подстегивается политикой США и их соратников на одностороннее применение военной силы и курсом Вашингтона, с которым после многочисленных протестов неохотно соглашается и Россия, на демонтаж режима и процесса центрального ядерного разоружения, на усиление опоры на ядерное оружие в обеспечении своих национальных интересов.

Здесь нельзя не сказать о ряде просчетов и нестыковок, заложенных в фундамент режима не-

распространения и его несущей конструкции: ДНЯО и связанных с ним соглашений, институтов и механизмов согласования интересов и деятельности государств (в частности, МАГАТЭ, Комитет Цангера, Группа ядерных поставщиков, Васенарские договоренности).

Во-первых, в основу этого режима как бы по умолчанию заложена предпосылка, что создание ядерного оружия может быть производной функцией, как бы побочным продуктом развития мирной ядерной энергетики и науки. Но на деле, за исключением, может быть, Бразилии и Аргентины, которые продвигались в этой области, не имея четкого представления о своих конечных целях, все другие страны изначально вполне ясно осознавали и осознают, какое использование ядерной энергии – мирное или военное – им в конечном счете нужно.

Если мирное, то даже достижение высочайшего научно-технического и промышленного уровня развития в этой области и значительная свобода в распоряжении ядерными материалами и их переработке не создавали у них соблазна произвести ядерное оружие (ФРГ, Италия, Швеция, Япония, Южная Корея, Канада и др.) Если военное, то они стремились к нему целенаправленно, а не “заодно” с мирным развитием ядерной энергетики. Их мотивами было не получение экономических благ, а задачи совершенно иного порядка, и потому обещание экономических выгод в награду за отказ от ядерного оружия, воплощенный в основополагающей концепции ДНЯО, было слабым рычагом влияния на их политику.

Некоторые из этих стран (Израиль, Индия, Пакистан) “честно” не присоединились к ДНЯО. Другие (Ирак, Иран, КНДР, Ливия и, возможно, ряд других государств) стали членами Договора в качестве политического прикрытия своих программ и обретения облегченного доступа к информации, специалистам, технологии и материалам. Контроль МАГАТЭ оказался недостаточным для предотвращения ведения военных ядерных программ параллельно с мирными и “перекачки” технологии, материалов и специалистов из мирных в военные проекты. Подписание этими странами Протокола к ДНЯО от 1997 г., предусматривающего возможность проверки МАГАТЭ практически на любом объекте стран-получателей, могло бы затруднить такие нарушения, но не полностью предотвратить их. Ради интересов приобщения к ЯО эти страны были бы готовы, при необходимости, открыто выйти из ДНЯО, предварительно воспользовавшись его материальными плодами для продвижения военных программ. Более того, как показал опыт КНДР, подобный шаг не только не повлек санкций, но стал эффективным средством шантажа мирового сообщества и козырем для выторговывания себе

экономических и политических уступок от других стран.

Основные мотивы руководства тех или иных государств в пользу создания ЯО связаны с соображениями внешней безопасности, престижа на мировой арене, популярности внутри своих стран или получения внешнеполитических уступок от других держав. Ни одному из этих мотивов ДНЯО не адресован прямо и эффективно – то есть в смысле предоставления взамен приобретения ЯО более заманчивых плодов и перспектив наказания в обратном случае.

Особую опасность имеет тут технология полного ядерного цикла, поставки которой никак не запрещает ДНЯО и приобрести которую стремились и стремятся многие страны-импортеры. Она дает независимость от поставок топлива для АЭС, но, с другой стороны, позволяет обогащать природный уран до уровня оружейного и выделять плутоний из ОЯТ, то есть решать главную проблему создания ЯО – получение в достаточном количестве оружейного материала.

Во-вторых, фундаментальный просчет концепции и режима ДНЯО состоит в том, что соотношение заинтересованности стран-доноров и стран-получателей материалов и технологий мирной ядерной энергетики было оценено неправильно. Предполагалось, что стремление реципиентов к “мирному атому” будет столь сильным, что позволит донорам взамен иметь их проверяемые обязательства не создавать ядерное оружие. Однако на практике получилось иначе, мировой рынок ядерных материалов и технологий, сулящий миллиардные прибыли, стал ареной жесткой конкуренции не импортеров, а экспортеров. Контроль МАГАТЭ, основанный на принципе добровольно заключенных соглашений об инспекциях и системе мониторинга с государствами-импортерами, был явно недостаточен до подписания протокола к ДНЯО от 1997 г. об инспекциях без права отказа. Кроме того, расширение ядерного “черного рынка” (нелегальных тайных поставок материалов и технологий) умножает возможности приобретения вне режима ДНЯО и его механизмов того, что нужно для создания ЯО (а в перспективе, возможно, даже самих ядерных боеприпасов).

В-третьих, слабое звено ДНЯО заключается в том, что в нем нераспространение ЯО трактуется как высший приоритет международной безопасности наряду с ядерным разоружением. На деле, этот приоритет занимает далеко не одинаковое место в повестке национальной безопасности разных держав, он сейчас стоит гораздо выше у США, чем у России, западноевропейских поставщиков или КНР, не говоря уже о новых экспортерах (Пакистан, Индия). Далее, как указывалось, увязка ядерного нераспространения с разоруже-

нием в настоящее время практически полностью разорвана ведущими ядерными державами-экспортерами.

Наконец, помимо нераспространения у последних имеются другие, зачастую более важные, внешнеполитические интересы. Так, для США поддержка Израиля важнее, чем вред от его ядерной программы для режима нераспространения, тем более что они не желают давать Тель-Авиву твердых гарантий безопасности по типу Североатлантического договора. Для России экономические и политические выгоды от сотрудничества с Индией и Ираном тоже более ощутимы, чем нераспространение, как и для США в отношении Пакистана. Россию, Китай, Японию и Южную Корею беспокоит декларируемое намерение КНДР создать свое ЯО, но не настолько, чтобы согласиться на военную акцию США с непредсказуемыми последствиями, особенно после опыта войны в Ираке 2003 г.

Дальнейшее ядерное распространение, таким образом, весьма вероятно. Опасность этого процесса не только в том, что с ростом числа конфликтующих государств применение ядерного оружия будет становиться более вероятным. Проблема серьезнее: большинство новых стран-обладательниц ЯО не будут иметь достаточно живучих систем базирования носителей, надежных систем предупреждения о нападении и систем управления, их внутривнутриполитическая ситуация зачастую неустойчива, велика вероятность гражданских войн и переворотов. Риск первого или упреждающего удара, а также несанкционированного применения ЯО будет со стороны этих государств гораздо выше.

Но и это еще не исчерпывает проблемы. Вероятность намеренного или непреднамеренного попадания ядерных материалов или готовых боеприпасов из этих стран в руки террористических организаций резко возрастет в силу специфики их внешней политики и внутривнутриполитической ситуации, коррупции в гражданских и военных органах, малой надежности служб безопасности и средств охраны и контроля за ядерными вооружениями и материалами.

Можно с достаточными основаниями утверждать, что следующий этап распространения не просто повлечет экспоненциальный рост угрозы применения ядерного оружия, но в силу слияния многочисленных факторов риска сделает использование ЯО в обозримой перспективе практически неизбежным.

КУДА ИДТИ ДАЛЬШЕ?

Таким образом, диалектика ядерного сдерживания и распространения вполне соответствует гегелевским классическим законам. Изначально

ядерное сдерживание (как политика косвенного использования ядерного оружия в политических целях) породило распространение, поскольку все больше государств стремились воспользоваться плодами сдерживания для обеспечения своих интересов.

Однако, по мере расширения круга стран – обладательниц ядерным оружием, сдерживание становилось все более неопределенным, неустойчивым и противоречивым. Это объяснялось как расширяющимся многосторонним его характером, так и внутренне присущими сдерживанию парадоксальными свойствами, включая его двусмысленность в отношении возможности применения ЯО первыми, сомнительную рациональность ряда основополагающих предпосылок и эфемерность контроля политического руководства над его применением.

Финальная стадия распространения – получение доступа к ЯО со стороны негосударственных субъектов (террористических организаций) – полностью и навсегда покончит со сдерживанием как с доктриной косвенного использования ЯО для защиты национальной безопасности. Террористам ЯО нужно не для сдерживания, а для прямого применения и шантажа тех или иных государств, всего цивилизованного мира. В свою очередь ядерное сдерживание со стороны государств бессильно против террористов.

Диалектика ядерного сдерживания и распространения нашла отражение и в процессах ограничения вооружений и разоружения. Порожденное страхом перед ядерной войной стремление ведущих держав к стабилизации взаимного сдерживания создало предпосылки для соглашений об ограничении и сокращении ЯО. Уже на ранней стадии этого процесса (после Договора о частичном запрещении ядерных испытаний от 1963 г.) незыблемым условием прогресса ядерного разоружения стало прекращение распространения ЯО. После заключения ДНЯО державы весьма далеко продвинулись на пути разоружения (Договор по ПРО, ОСВ-1 и ОСВ-2, Договор по РСД/РМД, СНВ-1/2/3, ДВЗЯИ, бессрочное продление ДНЯО и Протокол к нему от 1997 г. и пр.). Но это не остановило распространения, хотя, возможно, замедлило его. С конца 90-х годов распространение ускорило в силу причин, не связанных с ядерным разоружением, а также из-за ряда основополагающих несообразностей режима ДНЯО.

США и вслед за ними, вероятно, другие ведущие державы во имя защиты от новых государств – обладателей ЯО и от угрозы ядерного терроризма идут на развитие и совершенствование систем обороны (ПРО и ПВО) и создание нового поколения ядерных средств для прямого упреждающего применения против баз террористов и укрывающих их стран-“изгоев”. Это, в свою очередь, ведет

к размыванию основ отношений стабильного взаимного сдерживания главных держав между собой и режимов ограничения вооружений и разоружения (в жертву уже принесены ДВЗЯИ, Договор по ПРО, СНВ-2 и СНВ-3). Разрушение этих режимов в конце концов, скорее всего, разрушит и ДНЯО – несущую конструкцию режима и механизмов нераспространения.

В обозримом будущем опираться и далее на сдерживание как на главную гарантию предотвращения ядерной войны будет все менее продуктивной политикой. Предотвращение распространения и тем более обращение этого процесса вспять (как в случаях с Бразилией, Аргентиной, ЮАР, Ираком, Ливией) настоятельно требует коренного пересмотра, прежде всего, политики ядерных держав, крупнейших неядерных государств и стран – поставщиков ядерных материалов и технологий.

Иными словами: выполнение обязательств великих держав по ДНЯО в продвижении к ядерному разоружению само по себе не гарантирует укрепления режима ядерного нераспространения – для этого нужны многие другие меры. Но невыполнение названных обязательств вполне гарантирует дальнейшее распространение ЯО и потребует гораздо больших усилий для его пресечения, включая силовые акции. Они, как показывает нынешний иракский опыт, могут обернуться противоположными последствиями, в том числе и в плане ядерного распространения.

При этом не столько важно формальное сокращение количества ядерных вооружений – во всяком случае пока их запасы исчисляются тысячами ядерных боезарядов – сколько роль ядерного оружия в военной политике великих держав, взгляды на его практическую применимость, планы модернизации их ядерных сил, отношение к договорам об ограничении и сокращении вооружений.

Итоги последних лет в данном контексте крайне негативны, в первую очередь в свете линии, проводимой США, но также и Россией. Не будет преувеличением констатация того, что великие державы несут главную ответственность за неудачи политики нераспространения, как субъекты этой политики (в отличие от ее объектов: пороговых стран и стран-“изгоев”).

Еще более важен другой аспект этой проблемы. Пересмотр курса великих держав необходим для того, чтобы свести к минимуму существующие между ними, пусть и подспудно, взаимные подозрительность и неопределенность, которые закрепляются и постоянно воспроизводятся в отношениях взаимного ядерного сдерживания, а тем более – вследствие разрушения системы договоров по ограничению и сокращению вооружений. Это недоверие серьезно мешает глубокому взаи-

модействию держав во всех аспектах ядерного нераспространения.

Конечно, даже в худшие годы холодной войны между СССР и США существовали области общих интересов и взаимодействия, в том числе – нераспространение ядерного оружия, результатом чего явился ДНЯО. Но тогда истинному и широкому сотрудничеству мешала конфронтация и глобальное соперничество двух сверхдержав, которые, безусловно, преобладали над отдельными звеньями сотрудничества. Прекращение холодной войны в принципе устранило главное препятствие для взаимодействия двух стран. Однако растущее политическое и военное неравенство между ними, выход на передний план новых мировых центров силы, региональных претендентов на лидерство и негосударственных игроков, появление “черного рынка” и все это на фоне негативных аспектов глобализации – создали принципиально новые проблемы нераспространения.

Для их обуздания недостаточно уровня взаимодействия периода холодной войны: как новые угрозы, так и новые возможности настоятельно требуют качественно более высокого профиля взаимодействия, сопоставимого, а в некоторых сферах даже превосходящего прошлые союзнические отношения в НАТО или бывшем ОВД (например, совместные действия секретных служб, общие системы ПРО). Однако такие отношения невозможны, пока США и Россия основывают свои военно-стратегические отношения на принципах и материальной базе взаимного ядерного сдерживания. И не просто сохраняют, а постоянно воспроизводят и укореняют такие отношения своими конкретными программами вооружений и линией в сфере разоружения.

Никакими “новыми реальностями” эта линия не обоснована, она проистекает из самонадеянности и произвола курса нынешнего руководства США, как и из слабости, непоследовательности и крупных ошибок российской политики. Ни объективные военно-политические, ни технико-стратегические реальности не предполагают таких решений.

Кардинально важный вывод состоит в том, что на новом этапе ядерной безопасности в начале XXI в. “центральное” или “вертикальное” ядерное разоружение неразрывно переплетается с “периферийным” или “горизонтальным” разоружением, то есть нераспространением ЯО – и по существу сливается с ним.

Конкретно, речь идет о следующих мерах в области ядерного оружия и его сокращения и ограничения, более или менее в порядке их очередности.

Центральная зона разоружения.

– Ратификация Соединенными Штатами ДВЗЯИ как ключевого звена, соединяющего

“вертикальное” и “горизонтальное” ядерное разоружение. Общая позиция великих держав обеспечила бы присоединение к ДВЗЯИ Индии, Пакистана, Израиля. Тем самым был бы положен предел для совершенствования (и в значительной степени наращивания) ядерных вооружений тех государств, которые его уже создали, а также поставлена серьезная преграда для создания ЯО остальными явными и тайными “пороговыми” странами.

– Превращение Договора об СНП 2002 г. в полномасштабный договор о сокращении СЯС с соответствующими правилами зачета боезарядов, графиком и процедурами демонтажа вооружений, мерами контроля и продлением срока действия до 2017 г. (сейчас срок действия СНП истекает одновременно со сроком выполнения сокращений).

– Незамедлительное начало переговоров об СНП-2, имея в виду сокращения СЯС в 2012–2017 гг. до уровня 1000 боезарядов, наряду с контролируемым понижением боевой готовности, как минимум, 50% стратегических сил (например, резкое сокращение числа РПК СН на боевом дежурстве в море, базирование ТБ отдельно от их ядерных бомб и КРВБ, отстыковка и отдельное хранение головных обтекателей большей части МБР с РГЧ и головных частей моноблочных МБР). Также сюда относятся широкие меры транспарентности СЯС, постепенной интеграции СПРН (начиная с “размораживания” проекта совместного центра по снижению угрозы), а затем и систем боевого управления (включая дежурство офицеров связи на стратегических командных пунктах друг друга по типу существующей практике РФ–НАТО).

– Последующие меры следует направить на проверяемое понижение боевой готовности все большей части СЯС (доведя ее до 90%) и увеличение времени, заметности и стоимости возвратных возможностей сторон.

– Заключение на основе документа 2002 г. о новых принципах стратегических взаимоотношений США и РФ полномасштабного договора о сотрудничестве в области ПРО, разграничивающего совместные и односторонние работы в этой сфере и представляющего гарантии, что системы ПРО не будут направлены друг против друга (например, запрещение средств перехвата космического базирования, свобода испытаний любых систем ПРО при взаимном мониторинге испытаний, ограничение числа разрешенных антиракет разных типов при свободе смешивания средств наземного и морского базирования пр.).

– Прекращение американской программы “проникающих” ядерных мини-боезарядов, что упростится при вступлении в силу ДВЗЯИ, отмена плана установки на МБР “Минитмен-3” боеголовок W-87 с ракет “Пискипер”, обязательство не

возобновлять производство боеголовок W-88 для БРПЛ “Трайидент-2”.

– Существенный пересмотр российской программы обновления СЯС с переносом упора на мобильные МБР “Тополь-М” и живучие системы управления и СПРН, отмена новой системы РПК СН проекта 955 (“Борей” – “Юрий Долгорукий”) и новой системы БРПЛ “Булава-30”.

– Заключение Договора о запрещении производства расщепляющихся материалов в военных целях (ДЗПРМ) с соответствующими механизмами контроля для ядерных и неядерных членов ДНЯО, подключение к нему “неприсоединившейся” тройки (Израиль, Индия, Пакистан).

– Начало переговоров США и РФ об ограничении ТЯО, направленных в первую очередь на размещение их в Центральной и Восточной Европе (включая Калининградскую область), последующий вывод ТЯО полностью из Европы (в зоне ОВСЕ), а вне ее – складирование оружия только в централизованных хранилищах под взаимным мониторингом. Косвенно это повлечет значительное сужение программы обновления ТЯО.

– Подключение третьих ядерных держав к ограничению СЯС (например, равное число боезарядов БРПЛ на силах РФ и сумме сил Британии и Франции, равное число боезарядов на МБР шахтного базирования для РФ, США и КНР).

– Отказ всех “легитимных” ядерных держав от применения ЯО первыми против стран – членов ДНЯО или как вариант от применения первыми любого вида ОМУ. (Исключением может быть использование ЯО в ответ на удар по своим ядерным средствам или объектам, что косвенно снимает опасения перед вероятностью “широкомасштабной” неядерной войны между великими державами.) Отказ от концепций встречного или ответно-встречного удара, переход на концепцию “глубокого” ответного удара.

Такие меры не только значительно укрепили бы их безопасность и взаимное доверие, но повлекли бы трансформацию взаимоотношений сдерживания в новый тип стратегического взаимодействия, присущий зрелому партнерству и союзнчеству нового типа – то есть не ради совместной обороны против общего врага, а во имя совместных политических и военных действий, секретных операций против распространения ОМУ, терроризма, экстремизма, локальной нестабильности и конфликтов. Вышеназванные шаги воссоздали и углубили бы центральный договорно-правовой стержень, вокруг которого строится ДНЯО и вся политика и механизмы ядерного нераспространения.

Меры “горизонтальной зоны” подразделяются на три основных категории. Первая категория – это механизмы укрепления ДНЯО и его адаптации к новым реальностям:

– ратификация всеми членами ДНЯО и “не-присоединившимися” странами Протокола 1997 г., как обязательное условие любого международного сотрудничества в сфере ядерной энергетики, дальнейшее ужесточение положений Протокола по типу соответствующих статей КХО и ДОВСЕ;

– расширение штата и финансирования МАГАТЭ, а также его прав по проведению исследований нарушений ДНЯО с передачей дела в СБ ООН для применения мер наказания и принуждения;

– выработка обязательных и проверяемых международных стандартов по учету, физической защите, безопасной транспортировке, хранению и ликвидации излишков оружейных ядерных материалов. Финансовое и техническое содействие этим мерам, а также физической защите хранилищ ядерного оружия, в рамках “Глобального партнерства” и других программ;

– прекращение производства оружейного урана и выделения оружейного плутония во всех странах, передача любого производства ядерного топлива для АЭС (включая МОХ топливо и топливо для реакторов-бридеров) под международный контроль;

– постанова на международно-правовую базу американской Инициативы безопасности против распространения (ИБР) в части норм и средств законного перехвата и инспекции морского, наземного и воздушного транспорта по подозрению в незаконной перевозке ядерных материалов и технологий.

Вторая – это меры ужесточения экспортной политики стран – поставщиков ядерных технологий и материалов:

– интеграция ныне действующих группировок контроля ядерного экспорта (Комитет Цангера, ГЯП, Вассенарские соглашения), постанова их деятельности на договорно-правовую основу с новым механизмом принятия решений (квалифицированным большинством), системой контроля и принятия санкций через МАГАТЭ и СБ ООН;

– запрещение новых поставок технологий замкнутого ядерного цикла в неядерные страны, передача существующих там предприятий такого рода под жесткий контроль международных организаций, ликвидация таких объектов, если они были созданы в нарушение ДНЯО и гарантий МАГАТЭ. Гарантии поставок готового ядерного топлива таким странам по самой низкой рыночной стоимости и последующего вывоза отработанного ядерного топлива со стороны специально созданных для этой цели международных консорциумов;

– закрытие научно-исследовательских реакторов неядерных государств при гарантиях их участия в международных научных программах и по-

ставок им радиоактивных материалов для хозяйственных, медицинских и научных целей;

– принятие единых мировых норм наказания частных компаний и физических лиц, виновных в незаконных деяниях, несущих опасность ядерного распространения (как преступления против человечности), приведение в соответствие национальных законодательств;

– создание международных консорциумов для уменьшения конкуренции стран-поставщиков и более строгого контроля над поставками со стороны МАГАТЭ. В конечной перспективе нужно вести дело к созданию единой международной организации управления ядерной энергетикой всех стран и всего международного сотрудничества в этой области;

– совместные программы США, РФ и других передовых стран по разработке ядерных энергетических реакторов нового поколения с повышенной безопасностью эксплуатации и минимальным содержанием оружейных материалов в отработанном ядерном топливе. Отказ от реакторов-бридеров (это относится к России, Франции, Японии и Индии);

– ужесточение Режима контроля над ракетными технологиями (РКРТ), особенно в части поставок технологий двойного назначения, оказание совместного давления великих держав в целях присоединения к режиму стран, не являющихся его участниками. В последующем, превращение РКРТ в международный договор с четкими определениями его объектов и субъектов, мерами проверки и транспарентности, обязательствами государств-участников скорректировать соответственно свое внутреннее законодательство и создать отвечающие общему стандарту механизмы экспортного контроля;

– параллельно с этим всемерное расширение международного сотрудничества в коммерческом и научном использовании космического пространства, создание мирового космического консорциума на базе потенциалов США, РФ и Европейского космического агентства для предоставления льготных услуг странам – членам РКРТ со стороны государств, имеющих свои космические носители и орбитальные летательные аппараты.

Наконец, третья категория мер имеет *региональный характер* и должна быть адаптирована к местным условиям распространения. В самом общем виде это предполагает следующие шаги:

– на Ближнем и Среднем Востоке, наряду с мерами урегулирования существующих конфликтов, можно рассмотреть принятие Израилем в НАТО или распространение на него двусторонних обязательств США (как с Японией) в обмен на отказ Израилем от ядерного оружия и его присоединение к ДНЯО. Израильское ЯО может быть ликвидировано или передано на хранение на

определенный срок в США (скажем, на атолл Джонстон). Ирану следует предоставить гарантии безопасности со стороны США и других ядерных держав в обмен на присоединение его к Протоколу 1997 г. и ликвидацию предприятия по обогащению урана. Все страны региона должны стать участниками Протокола 1997 г., ДВЗЯИ и ДЗПРМ, РКРТ, всех норм и механизмов экспортно-импортного контроля;

– в Южной Азии Индия и Пакистан едва ли могут рассчитывать на вступление в ДНЯО в качестве ядерных государств. Вместо этого можно предусмотреть косвенную легитимизацию их ядерного статуса в обмен на меры ограничения их ядерных программ и предотвращения ядерного конфликта. Речь идет о присоединении к ДВЗЯИ и ДЗПРМ и, соответственно, к Протоколу 1997 г., а также к РКРТ и всем режимам экспортного контроля ядерных и двойного назначения материалов и технологий, о заключении соглашения об ограничении их ядерных вооружений на нынешнем уровне, принятии обязательства о неприменении ЯО первыми, а также о регламентации испытаний ракет. За это великие державы, помимо предоставления гарантий безопасности, могут привлечь Индию и Пакистан к совместной системе РФ–США по космическому мониторингу и СПРН, передать им технологии системы управления по предотвращению несанкционированного пуска ракет. На ракетных базах двух стран стоило бы разместить международных наблюдателей в качестве дополнительной меры предупреждения о гипотетическом нападении, во всяком случае – до урегулирования кашмирского конфликта и разрядки напряженности. (В конфиденциальном порядке США и РФ нужно согласовать меры и

средства ликвидации или эвакуации ядерных вооружений в этом районе в случае потери контроля над ними или опасности захвата их террористами или экстремистами.);

– на Дальнем Востоке договоренности в рамках шестисторонних переговоров должны включать гарантии безопасности со стороны всех великих держав обоим корейским государствам, возобновление проекта КЕДО с участием РФ и КНР, экономическую (в том числе топливную) помощь КНДР и ее вовлечение в международные экономические проекты, запуски корейских спутников носителями великих держав. За это КНДР должна вернуться в ДНЯО, присоединиться к ДВЗЯИ, РКРТ, ДЗПРМ, Протоколу 1997 г., всем режимам экспортного контроля, а также согласиться на демонтаж всех ядерных объектов, помимо АЭС по проекту КЕДО, и ликвидацию ядерных материалов и боеприпасов (если они есть), прекратить ракетную программу.

Вероятно, многое из предложенного выше выглядит как утопия. Ядерное сдерживание и распространение стали глубоко интегрированными элементами современных международных отношений, экономики, науки и техники. Только фундаментально изменив эти отношения, можно избавиться от их угрожающих побочных продуктов, образно говоря “ядерных отходов”.

Пока для оптимизма по этому поводу мало оснований. И все же хотелось бы надеяться, что самые сильные государства и все мировое сообщество придут к новой системе организации ядерной безопасности без принуждения шоком первого, после августа 1945 г., реального применения “оружия судного дня”.